

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XX века на долю России выпали тяжелейшие испытания: разрушительный революционный кризис, кровопролитнейшие войны, разгул терроризма, разложение государственной власти. В 1905 и в 1917 годах улицы Москвы стали местом революционных боев. В эти годы российский народ приобрел горький опыт, оплаченный дорогой ценой. И в конце того же века этот опыт неожиданно стал очень актуальным. На улицах Москвы в 1991 и в 1993 годах вновь развернулись вооруженные столкновения. В 1990-е годы опять началась «маленькая победоносная война», принеся множество жертв. По стране прокатилась волна терроризма. Уголовная преступность и коррупция достигли такого масштаба, что превратились в серьезные национальные проблемы.

Использование и негативного, и позитивного исторического опыта, накопленного нашим народом и государством, в том числе опыта полицейской деятельности, может помочь в предотвращении или в пресечении подобных разрушительных кризисных явлений. И в начале XXI века опыт преодоления революционного кризиса не потерял своей актуальности. Об этом свидетельствуют события в соседней Украине, которая в течение целых исторических эпох развивалась вместе с Россией в составе единого государства и переживала те же самые потрясения.

Знаменитые уроженцы Киева Василий Шульгин и Михаил Булгаков в своих книгах красочно описали, что происходило в этом городе в 1905 и 1918 годах¹. И в тех далеких событиях прослеживается множество параллелей с тем, что происходит сейчас в Киеве, Одессе и других регионах Украины. Этот опыт столетней давности надо знать и использовать сегодня, чтобы не наступать дважды на одни грабли и избежать повторения трагичных событий.

Несколько примечаний, касающихся текста данной книги:

1. Все даты даются по старому стилю, действовавшему на момент описываемых событий.

2. В цитатах сохраняются орфографические и синтаксические особенности письменных источников, включая ошибки, встречающиеся в оригиналах цитируемых документов. Они сами по себе ярко характеризуют рассматриваемую эпоху и действовавших тогда людей. Документы того времени составлялись согласно правилам как старой, так и новой орфографии. Эта разница сохранена при цитировании.

3. Буквы русского алфавита, вышедшие из употребления, заменены современными.

Глава I

РЕВОЛЮЦИЯ НАДВИГАЕТСЯ

Предвестия революции

Первая российская революция началась в 1905 году. Но грозные предвестия появились раньше. Особенно этому поспособствовала Русско-японская война 1904–1905 годов. Она должна была стать «маленькой и победоносной», а оказалась настолько тяжелой и кровавой, что подтолкнула страну к революции.

Первые предреволюционные проявления были следствием действий центральных властей в столичном Санкт-Петербурге, а в Москву они приходили извне. Например, такими проявлениями стали массовые беспорядки, возникавшие в среде призванных на войну военнообязанных, состоявших в запасе армии.

Так, 25 октября 1904 года в Москву из города Кадникова Вологодской губернии прибыл эшелон мобилизованных запасников численностью в 1000 человек. Сопровождала его воинская команда от 7-го гренадерского Самогитского полка в составе командира 4-й роты штабс-капитана М. Ф. Михайлова, поручика Н. Н. Рахманова и 32 безоружных нижних чинов. Эшелон этот должен был после кратковременной остановки следовать далее в город Тюмень.

Состав приняли в 6 часов утра на станцию Москва-Товарная Московско-Казанской железной дороги. Запасники начали требовать накормить их. Через два часа им объявили, что желающие могут проследовать строем в Крутицкие казармы для получения пищи. Желающих оказалось около 400 человек. Их отправились сопровождать поручик Рахманов и 12 гренадеров.

Поскольку пьяные беспорядки со стороны мобилизованных уже не были редкостью, местная полиция постаралась принять соответствующие меры. Пристав 1-го участка Лефортовской части направил полицейские наряды на

Крутицкие казармы. Фотооткрытка. 1913

станцию, во все ближайшие трактиры и пивные лавки. Но этого оказалось недостаточно.

До Крутицких казарм поручик Рахманов довел лишь около 150 человек. Остальные разошлись по улицам. А запасники, оставшиеся на станции, смели безоружную команду штабс-капитана Михайлова с полицейским нарядом и тоже двинулись в город. По дороге они разгромили несколько трактиров и булочную Филиппова, приставали к прохожим, требовали от извозчиков бесплатно везти их, били стекла в домах.

Для «усмирения буйствующих» на станцию прибыла вооруженная воинская команда — один офицер и 48 нижних чинов из 12-го гренадерского Астраханского полка. А местный полицейский пристав вывел на улицу всех своих подчиненных. Но этих сил было мало.

Тогда полицмейстер 3-го отделения полковник В. М. Яфимович обратился к обер-полицмейстеру Москвы генерал-майору Д. Ф. Трепову с просьбой задействовать более значительные войсковые подразделения. Обер-полицмей-

стер поднял по тревоге эскадрон Московского жандармского дивизиона и связался по телефону с начальником штаба Московского военного округа. Тот направил в район, где происходили беспорядки, батальон из состава 221-го пехотного Троицко-Сергиевского полка.

Генерал Трепов, взяв с собой команду этого полка во главе с подпоручиком Тухановым, сам прибыл на станцию. Солдаты перекрыли все выходы со станции в город. В это время другие команды патрулировали улицы. Они задерживали запасников и отправляли их на станционный двор. Обер-полицмейстер решил, что «водворил порядок», и уехал домой, оставив командовать на станции полковника Яфимовича и подпоручика Туханова. А в это время к станции стали толпами возвращаться из города многочисленные пьяные запасники. Увидев патрули и оцепление из солдат, они вооружились камнями и поленьями. Между мобилизованными запасниками и солдатами Московского гарнизона начало разворачиваться настоящее сражение.

На место беспорядков вернулся обер-полицмейстер Трепов, а также прибыл полковник Э. В. Сила-Новицкий, командир Троицко-Сергиевского полка. Последний принял командование сражением на себя. Тем временем запасники перешли в наступление. Под градом камней и поленьев солдаты начали отступать. Ушибы получили полковник Сила-Новицкий, подпоручик Туханов и поручик Ахшарумов. Причем поручик получил сильный ушиб лица «с переломом зуба». Пострадали 12 нижних чинов. Один из них был тяжело контужен в голову.

Старший воинский начальник скомандовал открыть огонь поверх голов. Солдаты сделали несколько залпов, но это не остановило толпу. Тогда был отдан приказ стрелять дебоширам по ногам. Видимо, большинство солдат стреляли все же не в людей, а в землю перед ними. Но некоторые стрелки то ли из-за неопытности и волнения, то ли по озлобленности целились в толпу. В результате среди запасников было двое убитых, двое тяжелораненых и четверо легкораненых. Так что первые боевые потери они понесли, не доехав до фронта несколько тысяч верст, еще в Первопрестольной.

После обстрела беспорядки удалось подавить. Толпу утихомирили и заперли в вагонах. 17 человек дебоширов арестовали и заключили в ближайшие полицейские дома (изоляторы временного содержания). На следующий день поли-

ция передала их в распоряжение Комендантского управления. Еще 14 трезвых запасников просили не отправлять их с этим эшелонам. Таких оставили до следующего поезда².

В девятом часу вечера железнодорожный состав отправили на восток, к местам боев с японскими войсками. Сражение на станции Москва-Товарная завершилось, но это была лишь прелюдия к куда более страшным и кровавым событиям в Первопрестольной.

Тогдашний главный московский начальник, похоже, предчувствовал это. Московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа (МВО) был великий князь Сергей Александрович, дядя царствовавшего императора. Еще в самом начале Русско-японской войны, 7 февраля 1904 года, генерал-губернатор в шифрованной телеграмме министру внутренних дел писал: «Убедительно просил бы не ослаблять Московской Полиции. В данную минуту мне каждый человек дорог. Жду ответа. Генерал-адъютант Сергей»³.

Черновик этой телеграммы написан с помощью карандаша, на обороте листа тем же карандашом нарисованы и густо заштрихованы темные грозовые тучи⁴. Это производит сильное впечатление. От рисунка так и веет тревожными предчувствиями.

Почти ровно через год, 4 февраля 1905 года, Сергей Александрович будет убит террористом. А еще через 10 месяцев, во время Декабрьского вооруженного восстания, московские мостовые зальет кровь.

Но пока еще война была далеко от Москвы, а сюда долетали лишь ее отголоски. Например, в городе неожиданно стали распространяться панические слухи о предстоящей приостановке выдачи вкладов из сберегательных касс и о том, что положенные на хранение в кассах денежные средства будут направлены на военные надобности. Москвичи стали массово изымать свои вклады. Поскольку это могло расстроить финансовое обращение, директор Московской государственной сберегательной кассы обратился за помощью к обер-полицеймейстеру⁵. Полицейские вынуждены были провести широкую разъяснительную работу среди жителей своих участков. Паника была преодолена.

Другая возникшая из-за войны проблема — переполнение московских тюрем преступниками, приговоренными судом к каторжным работам или

к ссылке на поселение в Сибирь и на Дальний Восток. Раньше осужденных отправляли либо сухим путем по железной дороге и сибирским трактам, либо морем из Одессы на пароходе Добровольного флота «Ярославль». Ежегодно из Московской, Одесской и Самарской пересыльных тюрем этим пароходом вывозили на Сахалин более 2 тысяч человек. Но с началом войны пересылка заключенных в Сибирь была прекращена. Для решения этого вопроса пришлось обращаться не только в Главное тюремное управление, но и к императору. Высочайшим повелением было предписано отправлять ссыльных до окончания войны в северные и северо-восточные губернии европейской части России. А каторжников распределять по московским тюрьмам⁶. Московские власти получили возможность избавиться хотя бы от тех политических преступников, которые за революционную деятельность были осуждены к высылке.

Менее опасным политическим противникам, которые не были подвергнуты заключению, но находились под гласным полицейским надзором, правительство предложило перемирие. Император разрешил им с согласия местных властей поступать рядовыми, действующую армию⁷. В этом случае полицейский надзор с них снимался, и они фактически получали амнистию за свои прошлые антиправительственные поступки. Но гражданский мир между революционерами и императорской властью установлен не был. Наоборот, противостояние нарастало.

У московских полицейских также появилась обязанность бороться против японского шпионажа на подведомственной им территории. Директор Департамента полиции Министерства внутренних дел действительный статский советник А. А. Лопухин сообщил: «...Получены сведения, будто бы некоторые подкупленные Японией корейцы и переодетые в корейское платье японцы занимаются разведками в пределах империи <...> В видах предупреждения злонамеренных замыслов означенных лиц, Департамент Полиции просит <...> собрать сведения об образе жизни, сношениях и деятельности всех находящихся в пределах вверенной Вам местности корейцев и о последующем сообщить Департаменту»⁸.

По узаконенным правилам японцам и корейцам разрешалось «продолжать во время войны свое пребывание и свои мирные занятия в пределах империи».

Вячеслав Константинович Плеве, министр внутренних дел Российской империи в 1902–1904 гг.

Но они подлежали высылке из восточных губерний России на запад.

Министр внутренних дел В. К. Плеве добился от императора предписания московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу и обер-полицмейстеру Трепову «в случае если во вверенных им местностях проживают японские подданные, иметь за деятельностью таковых особо тщательный надзор и при малейших попытках с их стороны к совершению деяний, могущих в каком бы то ни было отношении причинить вред государству, входить <...> с представлениями о безвозвратной высылке их <...> за границу»⁹.

В начале войны никаких японцев и корейцев в Москве обнаружено не было. Но вскоре они появились. 7 марта 1904 года сюда прибыли выселенные из Иркутска два корейца

Че Сун Хе и Ким Чан Иль. На прежнем месте они работали на табачной фабрике, но в Москве устроиться не смогли. Первый из них немного говорил по-русски, второй же новым языком не овладел. Средств к существованию здесь у них не было. Обеспечивать их должна была корейская миссия в Санкт-Петербурге. Но она на запросы из Москвы не отвечала. Судьбой попавших в тяжелейшую ситуацию переселенцев обеспокоился обер-полицмейстер Трепов. Он не только надзирал за корейцами, но и заботился о них. Генерал подыскал им жилье, распорядился выплачивать пособие по 30 копеек в день, а потом устроил на работу. Че Сун Хе настолько прижился в Москве, что принял православие под именем Григорий¹⁰.

27 августа того же года в Москву доставили 10 пленных японских офицеров¹¹. Военные власти передали их под надзор московской полиции без каких-либо указаний относительно режима содержания и надзора. Японцев поместили под охраной полицейских в гостинице Клеева на Домниковской улице. Оказалось, что место выбрано неудачно. Улица была многолюдной, и каждое появление на ней японцев собирало толпу. Полицейские при этом видели свою главную задачу в защите пленных от возможных враждебных проявлений со стороны толпы. Кроме того, гостиница была доступна для самых разных людей. Полицейские опасались, что среди них могут оказаться «неблагонадежные элементы», которые попытаются установить контакты с пленными. Московские власти просили МВД больше не присылать к ним военнопленных, а еще перевести японских офицеров в другую губернию или разрешить отправить их «в уездный город, где есть воинские части, например, в Серпухов». Но согласия на перемещение пленных из Москвы они не получили. Тогда для японцев нашли место в пригороде, в уединенно расположенной богадельне. Там для них освободили отдельное строение, где имелась даже своя кухня, и установили полицейский пост.

В МВД родилась идея усилить полицию в восточных районах империи за счет отправления туда на время войны служащих из других регионов. Но великий князь Сергей Александрович отразил попытку ослабить полицию в Москве. 10 июня 1904 года министр внутренних дел Плеве вынужден был сообщить, что «распоряжение о командировании чинов Московской Полиции в Иркутск отклонено»¹².

Но война внешняя влекла за собой разгорание внутренней войны в Российской империи. В начале декабря 1904 года революционеры организовали и провели в Москве митинги и демонстрации. Власти расценили это как уличные беспорядки и ликвидировали их с помощью силы. 5 и 6 декабря в городе ввели усиленные наряды войск и полиции. В них были задействованы все три полицмейстера, 22 пристава, 26 помощников приставов, 100 околоточных надзирателей, 1000 городских, 3-й драгунский Сумской полк в полном составе, 16 рот пехоты, 3 $\frac{1}{2}$ сотни казаков и 2 эскадрона конных жандармов¹³. Для составления этих нарядов было приказано «городовых с постов 3 разряда снять, а на постах 2 разряда, сняв городских, заменить их ночными сторожами и дворниками».

Чтобы выявить пострадавших при подавлении волнений их участников, охранное отделение полиции предписало участковым приставам «немедленно и срочно сообщить отделению <...> о всех случаях обращений за медицинской помощью в больницы и другие лечебные заведения вверенного вам участка...»¹⁴.

Противостояние революционной оппозиции и государственной власти все более обострялось. Беспрестанные военные поражения российских войск, огромные человеческие жертвы, значительное снижение уровня и ухудшение условий жизни вели к тому, что в обществе усиливался раскол. Все большее число людей отказывало императорскому правительству в доверии и начинало сочувствовать, а то и содействовать экстремистам-революционерам. Власти, в том числе правоохранители, теряли уверенность в правильности своих действий. А революционеры все решительнее стремились разрушить существующую государственную систему. На пороге уже стояли сильнеешие потрясения.

Московская полиция: структура и численность

В начале XX века московская полиция успела отметить 180-летний юбилей своего существования. Она имела значительный опыт борьбы с уголовной и политической преступностью, развитую организационную структуру. Численность полицейских, на первый взгляд, была довольно значительной. Но вот была ли она достаточной для тогдашней Москвы, крупного города со сложным составом населения. К тому же в то время российское общество, особенно в крупных городах, находилось в состоянии растущего социального раскола и обостряющегося политического кризиса.

Действовавший штат Московской городской полиции был утвержден 5 мая 1881 года. При его составлении в расчет была взята численность населения Москвы, определенная переписью 1871 года: 602 тысяч жителей. Однако во внимание не приняли уже начавшийся в то время стремительный рост здешнего населения. Как показала перепись 1882 года, за 10 лет оно увеличилось больше чем на 150 тысяч человек. И в дальнейшем этот рост постоянно ускорялся. Поэтому сразу же после введения в действие штата 1881 года выяснилась его недостаточность.

Медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения 28 января 1897»

Нагрудный знак счетчиков 1-й Всероссийской переписи населения. 1897

В 1897 году в стране прошла Первая Всероссийская перепись населения, которая показала, что в Москве постоянно проживают уже 1035 тысяч человек. В 1881 году средняя численность населения в полицейских участках Москвы составляла 18 750 человек, а в 1897 году она достигла уже 25 610 человек. Это усредненная численность, а на деле во многих участках количество жителей удвоилось. Самыми населенными были 2-й участок Пресненской части, 2-й участок Пятницкой части и 2-й участок Рогожской части. В каждом из них проживали более 40 тысяч человек. Ober-полицимейстер считал, что для успешного поддержания общественного порядка, такие участки надо делить пополам. А для этого требовалось учреждение новых участковых полицейских управлений и соответственное увеличение количества служащих полиции.

Самую быстрорастущую и самую беспокойную для полиции группу населения составляли вчерашние крестьяне, переселившиеся в Москву. Здесь они становились фабричными рабочими, ремесленниками, работниками торговых и промышленных заведений, людьми без определенных занятий. Уровень жизни у них был низким, труд — тяжелым и неблагодарным, перспектив на

улучшение — очень мало. Они не имели хорошего жилья и «размещались по коачным и ночлежным квартирам». Такие слои населения были подходящей средой для развития криминала и политического экстремизма всех видов.

Другой «головной болью» для правоохранителей стали студенты вузов и старшекласники средних учебных заведений. Криминальных проявлений в этой группе населения было мало, зато политическая оппозиционность государственной власти процветала.

Еще один фактор, осложнявший поддержание порядка и борьбу с преступностью, — это обширность городской территории, сложность ее застройки и планировки. Общая площадь города составляла около 90 кв. верст, то есть около 102 км². Долгое время границей Москвы считался Камер-коллежский вал, но теперь город выплеснулся за его пределы, и почти треть городской территории находилась уже за валом. И она продолжала увеличиваться все быстрее. Это тоже требовало создания новых полицейских участков и усиления полиции.

В черте города насчитывалось 1418 улиц, за чертой — 105. Их общая протяженность — 580 верст (618 км). Это почти столько же, сколько по прямой от Москвы до Петербурга, и больше, чем от Москвы до Нижнего Новгорода, Воронежа, Курска или Смоленска. И даже больше, чем от Москвы до современных границ Латвии или Украины.

Жилых строений в Первопрестольной было более 47 тысяч, фабрик и заводов — до 400, мастерских «с паровым двигателем» — до 300. А еще Москва была крупным железнодорожным узлом. И это тоже усложняло задачу по обеспечению правопорядка и безопасности. С разных сторон Российской империи сюда тянулись шесть уже действующих и четыре строящихся линии железных дороги. Поезда ежедневно привозили в город множество людей, имеющих самые разные намерения.

Похожая ситуация была и в других крупнейших городах империи. Но даже по сравнению с ними, в отношении численности полиции Москва находилась в более сложном положении. По расчетам обер-полицмейстера, в 1898 году в Петербурге на одного полицейского чиновника приходилось 8207 человек населения, на одного околоточного надзирателя — 3193 человека, на одного городского — 590 человек, а в Москве: на одного полицейского чиновника —

10 392 человека, на одного околоточного надзирателя — 5196 человек, на одного городского — 737 человек, то есть значительно больше.

В Положении о Московской городской полиции от 5 мая 1881 года¹⁵ говорилось, что возглавляет ее обер-полицмейстер, подчиняющийся генерал-губернатору. 24 мая 1893 года была учреждена должность помощника (заместителя) обер-полицмейстера.

Непосредственно обер-полицмейстеру подчинялись органы общего (то есть центрального) управления полицией в Москве. Это управление составляли четыре чиновника для особых поручений, канцелярия, адресный стол, общий полицейский архив, врачебно-полицейское управление, врачебно-полицейский комитет, полицейский телеграф. Данные учреждения выполняли вспомогательные функции и не участвовали в непосредственном противостоянии преступникам. Зато они способствовали тем подразделениям полиции, которые делали это. Еще в состав общего управления входили московский брандмайор (начальник пожарной охраны города), сыскная часть и полицейский резерв.

В административно-полицейском отношении Москва до 1881 года делилась на 3 городских отделения (по-современному говоря, это были административные округа) и 17 городских частей (районов). Но по новому положению полицейские управления частей расформировали и вместо них создали 40 полицейских участков. Управление еще одного участка (Петровско-Разумовского) сформировали по дополнительному штату от 14 июня 1895 года. Таким образом, к концу XIX века количество административных районов увеличилось более чем в два раза.

Руководство местной полицией осуществлялось в каждом отделении города соответствующим полицмейстером, а в каждом участке — участковым полицейским приставом. Пристав возглавлял управление полицейского участка — учреждение аналогичное современному районному отделу внутренних дел. В состав управления, кроме пристава, входили один или два его помощника и письмоводитель, а с 1893 года еще и помощник письмоводителя. И это при численности жителей на территории участка, доходившей до 40 тысяч человек.

Приставу подчинялись околоточные надзиратели и городовые наружной полиции. Они составляли так называемую полицейскую стражу, фактически

патрульно-постовую службу. Околоточный надзиратель соединял в своих руках функции современного участкового оперуполномоченного и командира подразделения патрульно-постовой службы. В своем околотке он осуществлял непосредственный надзор за всеми жителями, доводил до их сведения требования законов и распоряжения администрации, следил за исполнением этих требований. Надзиратель был обязан несколько раз в сутки обходить подведомственную ему территорию, немедленно устранять все беспорядки, своевременно появляться на месте всякого происшествия или преступления. Также он руководил службой городских своего околотка.

Городовые несли круглосуточную трехсменную службу по охране общественного порядка и безопасности на постах, в патрулях, при обходах и облавах, при массовых мероприятиях и участвовали в других действиях полиции по борьбе с преступностью.

Штат 1881 года с дополнениями 1893 и 1895 годов определял количество служащих наружной полиции следующим образом: полицмейстеров — 3 человека, участковых приставов — 41 человек, старших помощников приставов — 41, младших помощников приставов — 21, письмоводителей — 41, помощников письмоводителей — 40, околоточных надзирателей — 204, городских — 1424 человека¹⁶.

Еще в состав местного полицейского управления входили 16 полицейских домов. В них размещались полицейские учреждения и пожарные команды, приемные покои для людей, пострадавших от преступных покушений и несчастных случаев, полицейские медики и камеры для арестованных.

В каждый такой дом назначались чиновник-смотритель, околоточный надзиратель, помогавший ему, и команда полицейских служителей. Служители содержали в чистоте полицейские помещения и камеры арестантов, готовили горячую пищу для полицейских и арестованных, охраняли камеры, наблюдали за арестантами, конвоировали их при перемещениях, доставляли официальную полицейскую почту по назначению.

Всего в служительской команде должно было числиться: смотрителей — 16 человек, околоточных надзирателей — 16 человек, полицейских служителей — 400 человек (после формирования Петровско-Разумовского участка их стало 402 человека). Служители распределялись так: при участковых

Городской арестный дом на Хавской улице. Фотография 1900-х

управлениях состояли 82 человека (по 2 человека на участок), при полицейских приемных покоях — 16 человек, кашеварили 16 человек, дежурили при конторах смотрителей полицейских домов 32 человека, убирали помещения 16 человек, разносили пакеты 32 человека, дежурили при арестантских помещениях 102 человека, занимались конвоированием арестованных 106 человек.

За 1897 год количество арестованных, побывавших в полицейских домах, составило 76 896 человек¹⁷. Понятно, что указанного числа полицейских служащих было явно недостаточно. Особенно если учитывать, что арестантов тогда конвоировали пешком или перевозили на извозчиках.

Непосредственно обер-полицмейстеру подчинялся полицейский резерв, который выполнял две функции. Во-первых, это было учебное подразделение московской полиции и здесь проходили теоретическое и практическое обучение полицейской профессии кандидаты на должности полицейских чиновни-

ков и городских. Во-вторых, резерв служил для усиления наружной полиции в случае необходимости, например, при проведении массовых полицейских мероприятий. В этом подразделении постоянную службу несли два человека — начальник резерва и фельдфебель (он же — писец). А обучение одновременно проходили 10 чиновников резерва и 150 городских¹⁸.

Так же напрямую обер-полицмейстеру была подведомственна Московская сыскная полиция (МСП). Это специализированное уголовно-розыскное учреждение (предшественница Московского уголовного розыска). Задача МСП — борьба с наиболее опасными преступлениями (убийствами, разбоями, грабежами, поджогами), с высококвалифицированной профессиональной преступностью (в том числе с крупными и серийными кражами и мошенничествами), с организованными преступными сообществами (бандами или шайками преступников). Штат Московской сыскной полиции включал в себя 17 должностей. Кроме того, при МСП была организована служительская команда из четырех человек¹⁹.

В 1899 году для надзора за рабочими промышленных предприятий в Российской империи была учреждена фабрично-заводская полиция. Для Москвы ее штат составил 14 полицейских надзирателей и 79 (с 1902 года — 80) городских²⁰.

В Москве располагались еще два правоохранительных подразделения, которые не входили в состав московской полиции, но активно участвовали в охране порядка и борьбе с преступностью. Они имели двойное подчинение: обер-полицмейстеру и Московскому губернскому жандармскому управлению.

Первое из этих подразделений — Московское охранное отделение (МОО). Это было оперативно-розыскное учреждение политической полиции, главной задачей которого являлась борьба с революционерами. Члены подпольных экстремистских революционных организаций нередко совершали тяжкие преступления. Например, проводимые ими «экспроприации» полиция квалифицировала как разбой, а террористические акты — как убийства или покушения.

В оперативном распоряжении обер-полицмейстера находилась и воинская конная часть — Московский жандармский дивизион (МЖД), состоявший из двух эскадронов. По тогдашним штатам в нем числилось 27 офицеров и классовых чинов, 458 нижних чинов и 241 лошадь.

Таким образом, к началу XX века московский обер-полицмейстер для обеспечения порядка в городе и борьбы с преступностью имел возможность использовать две с половиной тысячи полицейских и полтысячи жандармов. При этом он считал, что эти силы необходимо увеличить примерно в полтора раза. И это было обосновано.

С 1881 года численность населения в Москве выросла на 300 тысяч человек. Штат же полиции увеличился на 166 человек, что произошло за счет введения 40 должностей помощников письмоводителей, формирования Петровско-Разумовского участка (к имеющемуся штату добавились 33 новые должности) и учреждения фабрично-заводской полиции (93 должности). Ну, правда, еще была добавлена генеральская должность помощника обер-полицмейстера.

Настаивая на необходимости усиления полиции в Москве, обер-полицмейстер писал, что на территории города в существующих границах необходимо создать по крайней мере три новых полицейских участка с соответствующим штатом. В прежних же участках требовалось увеличить количество полицейских чиновников. Во-первых, это было связано с ростом числа дел, в них разбираемых. Во-вторых, ежедневно в среднем девять помощников приставов отвлекались от службы в участках и заступали в общегородские наряды. Забрать чиновников для этого можно было только из тех участков, где было по два помощника пристава. А таких участков насчитывалось всего 21. Значит, практически через сутки участковое управление лишалось одного из своих офицеров.

Также в общегородские наряды каждый день в среднем назначалось 40 околоточных надзирателей, то есть $\frac{1}{5}$ часть их наличного состава. А еще надзиратели по очереди несли дежурства при участковых управлениях. То есть два дня из шести надзиратель был оторван от своего околотка.

Средний околоток в Москве имел свыше 5 тысяч жителей и до 250 домов. Обер-полицмейстер рассчитал, что эффективно выполнять все свои служебные обязанности надзиратель может только при условии, что в околотке проживает не более 3 тысяч человек. Поэтому старший полицейский начальник Москвы просил добавить к имеющимся 204 надзирателям еще 110 человек. Из них 89 человек должны были бы заведовать вновь созданными околотками,

а 21 человек — нести службу на вокзалах и в других общественных местах, где требовалось «усиленное и непрерывное наблюдение»²¹.

В новых околотках планировалось учредить 224 дополнительных полицейских поста. Для этого потребовалось бы 672 городских. Также обер-полицмейстер хотел учредить 12 постов на действующих вокзалах и 9 постов на вокзалах, готовящихся к открытию. Это еще 63 человека. А всего нужно было 735 человек новых городских.

В штат полицейского резерва следовало ввести должности одного старшего и одного младшего помощников начальника, 10 околоточных надзирателей и 75 городских. А количество служителей полицейских домов увеличить на 100 человек. Обер-полицмейстер предлагал для каждого полицейского дома приобрести пару лошадей и крытую повозку, чтобы перевозить арестантов. Такие «автозаки» могли бы облегчить конвоирование и предотвращать попытки арестантских побегов.

Наконец, после многократных попыток старания обер-полицмейстера увенчались частичным успехом. 4 февраля 1902 года был принят новый должностной штат московской полиции²². Штат предусматривал создание в Москве 42-го полицейского участка (3-го участка Пресненской части), для которого были введены пять должностей полицейских чиновников. Еще добавили 20 должностей младших помощников приставов для тех участков, где ранее такой должности не было. Увеличили численность полицейской стражи на 84 должности надзирателей и 506 должностей городских.

Изменилась и организационная структура полицейского резерва. Начальнику этого подразделения дали двух помощников, старшего и младшего. Для руководства городскими во время несения службы в резерв назначили пять околоточных надзирателей, но зато упразднили 10 должностей чиновников резерва. Таким образом общее количество служащих резерва уменьшилось на три человека.

Численность служительской команды осталась прежней, даже несмотря на учреждение нового полицейского участка.

16 декабря того же года штат полиции получил дополнение. Сделано это было по ходатайству Московского акцизного управления. Дело в том, что на дворах казенных винных складов часто возникали беспорядки. Происходило

такое во время получения вина и спирта приказчиками и работниками владельцев частных питейных заведений. Для предотвращения или пресечения беспорядков учредили шесть должностей городских²³.

Теперь общая численность участковых управлений, полицейской стражи, полицейского резерва и полицейской служительской команды составила 3120 человек. Вот с такими силами полиция Москвы и встретила начало революции в России.

Старшие полицейские начальники

С 1891 года должность московского генерал-губернатора занимал великий князь Сергей Александрович, пятый сын (неважно пятый или нет) императора Александра II. Сергей Александрович родился в 1857 году и с этого же года числился на действительной государственной службе. К 1905 году он дослужился до чина генерал-лейтенанта, стал императорским генерал-адъютантом и членом Государственного совета (высшего законосовещательного органа империи), шефом нескольких воинских частей, попечителем различных благотворительных обществ. Как ближайший царский родственник он имел все высшие ордена Российской империи²⁴.

Во время коронации императора Николая II в мае 1896 года в Москве произошла страшная трагедия на Ходынском поле. Тогда в давке погибло и пострадало множество людей, собравшихся на празднество. Главным виновником этого, конечно же, был генерал-губернатор, в первую очередь отвечающий за порядок и безопасность во вверенной ему местности. Несмотря на это, Николай II благоволил к своему дяде, в том же месяце назначил его командующим войсками Московского военного округа (МВО), повысил в чине, а еще вручил ему высшую личную императорскую награду — свой портрет, украшенный бриллиантами. Сергей Александрович был почти не подконтролен своим начальникам по службе — военному министру и министру внутренних дел. Фактически он играл роль одного из советников императора по политическим вопросам и его заместника в Москве.

По своим взглядам великий князь являлся крайним консерватором, антисемитом, сторонником жесткого подавления любой оппозиции, особенно революционного экстремизма. Поэтому революционеры считали его одним из главных своих врагов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Революция надвигается	7
Предвестия революции	7
Московская полиция: структура и численность	14
Старшие полицейские начальники	23
Началось... ..	32
Генеральская чехарда	43
Полиция против революционеров и черносотенцев.....	57
Полиция против уголовных преступников	73
Помощники полиции	80
Глава II. Жаркая осень	88
«Царь испугался, издал манифест...»	88
Дерево свободы	97
Оливковая ветвь	114
Полицейские дома	127
Черносотенцы и их враги	137
Ноябрьское обострение	147
Московский адмирал	163
Боевые дружины	177
Накануне восстания	189
Глава III. Кровавый декабрь	200
Стачка	200
Первые столкновения	207
«Веселая кровавая игра»	215

Жизнь на линии фронта	226
Как Пресня стала красной	237
Разгром боевиков	243
Конец восстания	254
Отчеты и планы	264
Жертвы восстания и помощь пострадавшим	273
Глава IV. Новые времена	283
Новый год наступил	283
Новые войска и новый командующий	296
Новые штаты общей полиции	302
Новый градоначальник прибыл	308
Полицейские войны	315
Служба наружной полиции	324
Катастрофа в полицейских домах	330
Глава V. Революция продолжается	342
Московское охранное отделение и революционеры после поражения восстания	342
Ликвидации	355
Выборы в Государственную думу и смена генерал-губернатора	366
Попытка «летнего революционного наступления» 1906 года	373
Разгром полицией революционных организаций в Москве	380
Террор: неоправданное палачество и напрасные жертвы	394
Нужны ли были военно-полевые суды?	404
Глава VI. Революция отступает	414
Месть проигравших	414
Полиция и общественно-политические организации	420

Новые ликвидации	430
Завершение революции	440
Спецсредства для полицейских	450
«Процесс 83-х»	459
«Лосиноостровская битва»	462
Глава VII. Новые угрозы	471
Московская сыскная полиция и уголовники	471
«Железнодорожная мафия»	478
Полицейские войны — 2.	
Удар по «железнодорожной мафии»	487
«К нам едет ревизор!»	493
Полицейские войны — 3. Мафия бессмертна?	498
«Бомбические девицы» и другие провокации	506
Что же дальше?	512
Примечания	521
Именной указатель	542
Список сокращений	556